

Саша + Яша = Любовь

Алина открыла дверь. На площадке дочь Сашка тарасила огромные глаза, кивала и исполняла страшные танцы африканских папуасов – пыталась предупредить. Подавала знаки. Алина изо всех сил держала серьёзное лицо и старалась не заржать. Но африканский балет был неотразим, и она всё-таки не удержалась и прыснула со смеху. Пришлось интеллигентно закашляться.

Гость, ничего не подозревая, прошёл в квартиру и сбросил огромный солдатский рюкзак. В принципе это был такой мини дом на спине – все пожитки и одёжки молодого солдата, личные вещи, плюс мыльно-рыльные принадлежности – всё уместилось в огромном брюхе черно-красного заплечного мешка.

Мальчик был чудо как хорош. Высокий и широкоплечий, с могучей шеей, Алине он сильно напоминал русского богатыря на картине известного мастера.

Сашка познакомилась с ним на каком-то курсе, за две недели они оба поняли, что жить друг без друга они не могут. Любовь. Навсегда, ясен пень, а как же иначе.

Яшка жил в Израиле солдатом-одиночкой. В шестнадцать лет он приехал из далёкой Сибири по программе для детей старшеклассников. Приехал потому, что дед умер. А больше он никому и никогда не был нужен. Отца Яков не знал совсем, а мать помнил плохо – видел её последний раз ещё в третьем классе. Его растил дедушка. Кормил солдатской кашей из котла на костре, учил ставить палатку, рыбачить, ездить на велике. Даже стрелять. Зарядку они с дедом делали по утрам всю жизнь, спортом занимались. На лыжах ходили. Когда дед узнал, что болен, он последние силы отдал на то, чтобы пристроить парня. Яшку значит. Выправил все документы, всё привёл в порядок, переписал на Яшку старый дом и устроил его на программу Сохнута для подростков. А потом взял и умер.

Яшка остался совсем один. Нет, одиноким он как раз и не был. С ним были его ребята – мадрихи-инструкторы из интерната, семьи, в которых он гостил по выходным, сотрудники в ресторанчике, где подрабатывал. Яшка считал, что ему очень повезло, радовался любой мелочи и умел быть благодарным. А уж когда он встретил Саньку... Дед бы сказал, что он стал сиять, как медный самовар.

Ухажёр Алине очень понравился. Он был симпатичным до потери пульса, открыто смотрел прямо в глаза – большая редкость в наше время, улыбался так, что все невольно начинали улыбаться в ответ. Голливудская улыбка в сто тридцать два белоснежных зуба. Бред Питт отдыхает.

Яшка извинился, что вот так ввалился, да ещё и с рюкзаком... Приволок маленький торт – это чтоб не с пустыми руками.

Умереть не встать. Кажется, Сашка откопала последнего динозавра мужского племени. Она такая, она может, дочь у неё талантливая. Алина восхищалась, не переставая. Она скомандовала детям мыть руки и помчала на кухню дорезать салатик. Всё уже было готово, так как предусмотрительная дочь предупредила мамулю заранее – в шесть утра.

В час дня израильская военщина в виде двух восемнадцатилетних грязных до ужаса детей явилась пред ясны очи. Знакомиться значит прибыли.

Салатик был явлен миру вслед за тазиком мелкой разваренной пшеничной крупы – кускуса, ведёрка куриного супа с овощами, сковороды соуса болоньез со свежайшей говядиной и подноса печёной рыбки. Еды хватило минут на двадцать. Затем две оголодавшие пираньи прожорливо и

преданно посмотрели на мать. А что, больше ничего нет?! Бывалая Алина с ловкостью индийского факира изъяла из печи лист жареных крыльев.

За едой вели веселую и непринужденную беседу. Сашка видела, что Яшка маме нравится. Она всегда жила с мамой, её мнению доверяла безоговорочно и ещё очень хотела одобрения. Во всём.

Алина орлиным взглядом уловила, что воздыхатель вообще перестает дышать, когда смотрит на её дочь. Он был влюблён окончательно и бесповоротно. Сердце матери тоже исполнило танец папуасов. А что?! Не каждый день так смотрят на её дочь, да ещё и подкладывают вкусные кусочки.

Яшке же очень нравилась молодая и красивая Санькина мама, очень нравилось как они разговаривают, еда была настоящая, домашняя и необыкновенно вкусная, Санька сидела рядом, ну совсем близко. Он был счастлив абсолютно.

На сто восьмом крыле защитники Отчизны сломались и стали клевать носом. Алина выдала чистые полотенца и уплыла в кухню. Вскоре по всплескам и повизгиваниям стало понятно, что душ „скромные” дети принимают сообща. Алина задохнулась на минуточку и тут же умчала к себе в комнату. Не знаешь как реагировать – скройся пока не узнаешь, скомандовала она себе.

Вечером позвонила королева-мать. Так они с дочерью звали Алинину маму и Санькину бабушку. С их королевой произошло приключение совершенно невероятное. Пару лет назад их родительница по дороге в магазин познакомилась с соседским братом из Аргентины. Аргентинец хотел поразить родню приготовлением дивных стейков, а вот где купить хорошее мясо он ещё не понимал. Маманя на чудесном английском сообщила, что она как раз по дороге в хороший русский магазин, где всегда продают отличное свежее мясо. Поедатель стейков страстно влюбился и через полгода уговорил молодую жену отъехать с ним в Аргентину. Так или иначе, но королева-мать уже пару лет как помолодела, похудела, постриглась и руководила ими из Южной Америки.

Мама интересовалась как дела... Хотелось бы Алине в красках объяснить маме про их дела, но она не знала как лечат инфаркты в Аргентине. Не доверяла в общем. Поэтому решила оставить детали, а заодно и непечатную лексику. Тактично и лаконично рассказала про Санькиного ухажёра. Без подробностей про совместное купание. Про то, что молодёжь уже шестой час не вылезает из кровати, Алина решила тоже промолчать. Королевское величество осталось довольна.

После доклада стало понятно, что прожить всю оставшуюся жизнь в своей комнате у Алины не получится никак, и она всё-таки по-пластунски выползла на просторы квартиры.

Дверь в „детскую” слегка приоткрылась и сердце у Алины зашло. Сашка спала младенческим сном, её бесконечные золотые кудри затопили всю кровать, из всего этого великолепия диким островом выступал мускулистый бок спящего Яшки. Загорелая рука с белой полоской от часов обнимала её дочь, как обнимают долгожданное сокровище. Во сне оба ребёнка улыбались.

Алина разревелась и поплелась на кухню заваривать чай. Как жалко, что она уже сто лет не курит, сейчас было бы самое время затянуться разок... Счастье за любимую дочь разрослось и заколосилось в груди, в башке и даже в кончиках пальцев.

Дети дружили изумительно. Ездили на природу и устраивали пикники, ходили в кино с друзьями, вместе учились, помогая друг другу. Они оба были всё время на каких-то армейских курсах, а когда возвращались, вместе готовили еду и убирали за собой, сообща драили квартиру. Алина старалась их не доставать. Они и так редко приезжали домой. Столько сил отдавали армии. Она готовила им море еды, перестирывала горы армейской „сбруи”, складывала им всё в две отдельные кучи. И ждала их всё время. Принимая больных, ведя летучки, выстаивая на операциях. Теперь она вносила в своё расписание не только Сашкины экзамены и тренировки, но и Яш-

кины выходные и контрольные. Спросить как сдал, как было, поинтересоваться, послушать. Похвалить и вдохновить. Работала мамой для двоих.

Яшка же был ребёнком внимательным и очень правильным. Он починил всё, что только нужно было в починке, первым всегда поднимался собрать со стола, помогал во всём ещё до того, как попросят. При этом иногда был строг и серьёзен, карьеру делал нешуточную, зря не болтал и был ответственным. Экономил, видимо, изо всех сил и, приглашая Сашку в кино, платил сам и вёл себя как мужчина. Дед бы очень гордился. Санька его обожала, хотя и вила из него верёвки конечно...

А потом однажды в дверь позвонили. Четверг, вечер. Алина споро готовит пир на весь мир – на выходные приедут дети. Даже не смахнув теста с рук, она, весёлая и растрёпанная, галопом помчала открывать дверь и замерла...

На площадке стояли люди в форме.

В Израиле каждый знает, что это значит. И не дай Бог оказаться той матерью, которая это увидит у своей двери!!!

Воздух взорвался у Алины в горле, и стало совершенно невозможно дышать. В висках рвануло, и сознание разлетелось на тысячи мелких брызг. Руки вспорхнули к горлу, затрепетали у груди, скользнули по бокам. Не за что было схватиться. Алина оседала на пол.

И вдруг... Яшка... Они пришли сообщить, что боец Яков Грин геройски погиб...

Алина рухнула наземь. Санька жива!!! Это не Санька! С её ребёнком всё в порядке?!

Но как же?! Яшка?! Боже всемогущий! Как же так?!

Гул в голове, тупая боль в груди, ватный туман и странный звон... Облегчение?! Радость, что Бог отвёл, пожалел, пропустил... Или огромный всепоглощающий ужас – мальчик славный ты мой... не уберегла... не успела... Сыночек!!!

Взорвался снаряд...

Санька много дней лежала в темноте. В ступоре. Не ела, не мылась, не спала. Не разговаривала. Алина бы тоже так лежала, но прилетела мать. Вставай, не смей раскисать! Ты нужна ребёнку! Делай что-нибудь! Шевелись!

Пришедший психолог посидел у Санькиной кровати, порекомендовал взять себя в руки, выйти к людям, пообщаться. Пригласил на терапию. Санька его не слышала. Алина вытолкала его чуть не пинками. Она пробовала лежать рядом, гладить, жалеть.

Не помогало. Разговоры оставались без ответа.

Ещё через несколько дней, кто их считал, королева-мать притащила кучу фотографий Яшки. Распечатала и увеличила в фотомагазине. И расставила в комнате. Сказала, пусть он на тебя такую смотрит...

Сашка сорвалась. Она орала и рыдала, швыряла снимки и падала на пол, рвала на себе волосы и била посуду. Голосила. Завывала. Скулила.

Ну, слава Богу, попустило.

Мать устало вытерла пот со лба и ушла на балкон курить. Алина осталась собирать свою дочь из осколков заново...

Потом они обе стали встречаться с другими семьями погибших. Алина убедила Саньку, что там есть те, которым ещё хуже. Надо помогать, они же сильные и их трое. Они силища! Старшая из этой силы допивала третье ведро корвалола. Алина втихаря ела антидепрессанты. Санька не признавала лекарств и боролась с Горем сама.

Она даже кое-как дослужила – бросить всё ей не дали два домашних цербера. Она работала в психологической службе поддержки, вечерами волонтерила в детской онкологии, по выходным помогала спасать трудных подростков.

Алина загружала её и себя заботой о других до такой степени, что они обе ночью просто валились с ног от усталости. Огромное бескрайнее чувство вины затопило её дом, да и всю Алинину жизнь. Она не могла себе простить той секундной радости, когда поняла, что это не ЕЁ ребёнок...

Стыд мешал дышать, напрочь стёр улыбку. Ей не хотелось есть, она не могла оставаться одна. На неё сразу наваливались пудовые липкие, изматывающие душу мысли... Как ты могла?!

А потом ей приснился сон. Чисто вымытый душистый Яшка в белой футболке шёл ей навстречу. Он широко улыбался и обнимал её. Он гладил её по голове, заглядывал в глаза и рассказывал, как он счастлив, что Санька жива и невредима. Ведь это же отлично! Это же здорово! Это важно очень, чтобы она жила до ста двадцати лет, ведь он всё бы за это отдал!!! Он чуть нахмурился и попросил, чтобы они жили хорошо. Чтобы они обе были очень-очень счастливы! Он их так любит. И это главное...

Алина проснулась мокрая от слёз. Руки дрожали, и пальцы реально пахли Яшкиным одеколоном, тем, что они с Санькой ему вместе покупали.

Алина варила кофе и рыдала в голос. Перепуганная Санька кубарем вылетела в кухню – мама плачет, конец света! Алина сбивчиво, заикаясь, шмыгая носом и размазывая горячие слёзы, рассказывала про сон, про Яшку. И даже давала нюхать пальцы. Санька послушно нюхала, обнимала, плакала вместе навзрыд, подвывая, как в детстве. И им, впервые за долгие месяцы, становилось легче. Воздух возвращался в квартиру и в лёгкие, сердце снова училось биться легко и размеренно, тяжёлый туман в голове редел и рвался в клочья.

Славный милый сильный любимый мальчик. Они стали ему семьёй, а семья – это святое. Ему нужно их спасти и защищать. И это на всю жизнь. И даже после.

Алёна БАСКИН.